БИБЛІОТЕКА ПРОЛЕТКУЛЬТА

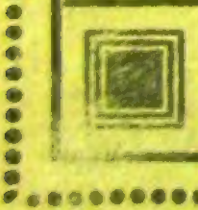

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ.

ДИНАМО-СТИХИ.

„Вселенная, нарядись в лучшій наряд,
. . . .
Приготовься ко встрѣчѣ—
Шествуют Грядущих Вѣков Предтечи...“

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ПЕТРОГРАД. 1918.

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ.

ДИНАМО-СТИХИ.

„Вселенная, нарядись в лучшій наряд,
. . . .
Приготовься ко встрѣчѣ —
Шествуют Грядущих Вѣков Предтечи...“

Созидателю Грядущего
Машин и
Строителю Фаланги
Возрождений —
тов. Кравцову.

На память от автора —
30/X 18. И. Садофьев

ПРОЛЕТКУЛЬТ
ПЕТРОГРАД.
1918.

Типографія „Герольд“, Петроград, 7-я рота, д. 26.

ПОСТУПЬ РАДОСТНЫХ ВѢКОВ.

МЫ ИДЕМ.

Разрушая всѣ преграды,
Всѣ препоны, мы идем...
Откровенья и наряды
Міру новые несем.

Мощь призыва,
Битвы сладость,
Вихрь порыва,
Вѣру, радость —

Мы взлелѣяли в груди...
В юной пламенной груди.

Мы — стремленье
Достиженья
Свѣтлой Воли,
Красной Доли...
Впереди:

Путь тернист, обрывы, скалы, —
Мы зажгли призывный свѣт...
Рдѣют зори ярко-алы,
Тает смерти силуэт.

Полог ночи
Разрываем
И рабочих
Призываем —

Встрѣтить Утро, Солнце, День...
Властный, ясный, красный день!

Будут встрѣчи,
Клятвы, рѣчи...
Радость бѣдных,
Сонных, блѣдных
Деревень...

Только вѣру сохраните,
Души творчеством горят:
На желѣзѣ и гранитѣ —
Разобьем цвѣтистый сад.

Январь 1918 г.

□□□□

БЛЕСТКИ.

(Посвящаю Петроградскому Пролетаріату).

1.

ЯДОВИТЫЕ ЦВѢТЫ.

Профессор шамкал о каком-то новом открытіи,
Кажется, о саморастленіи в особом крематоріи.
Не ожидая других, не профессорских, событій,
Долго аплодировала благодарная аудиторія.

Законники изощрялись на формах конституціи,
Правѣ собственности и обязанностях гражданина,
Доказывали, что в законах Россійской Революціи
Параграфы, утверждающіе Религію — необходимы.

Министры, ораторы, опочившіе на лаврах переворота,
Обзывая возставших пьяными рабами, вопили о порядкѣ.
Полководцы бросали в огонь войны за ротой роту...
По лицам всѣх скользили довольства отпечатки.

Длилась позорная свадьба с черными силами.
Бывшіе вожди служили у стола, подавая закуски.
Ученые кого-то искали между трупами и могилами,
Пудреные поэты писали поэмы революціи русской.

□□□□

2.

ВОЗСТАНЬЕ.

Крики... Тревога... шаги... пулеметы... орудья...
штыки...
Вышли, возстали красные заводы, окраины, кварталы,
Казармы, флот, гнѣвно-мятежные команды, полки,
Высоко взметнулись, зарѣяли полотна ярко-алы!

Растерянность вбѣжала в Зимній, оковала
Министров...
Дворцы, бель-этажи — во власти страха, свирѣпости.
Матросы с крейсера послали ультиматум-выстрѣл:
Свергнутая власть размѣщена в бастіонах крѣпости.

Поползли, извиваясь, как змѣи, слова, полныя яда,
Злобы и трусости, надежды и отчаянья, черныя слова.
Покатились, как громы, яркія, как солнечные взгляды,
Полныя восторга, вѣры и силы, побѣдныя, красныя
слова.

Зазвенѣли возгласы: «Калифы на час! Авантюристы!
Гунны»!..
Грянули крики: «Да здравствует Власть Пролетарская»!..
Зарѣяли имена Комиссаров—вождей в царство Коммуны:
Ленина, Зиновьева, Троцкаго, Луначарскаго...

□□□□

3.

АГОНІЯ.

Стараго, чернаго Міра представители,
Старых законов, устоев, повѣрій хранители;
Обыватели, поэты, законники, ученые,
Возстаніем, переворотом напуганные,
Удрученные...

Но злобные и гнѣвные, как Боги поруганные,
И внезапные, как разбойники, викинги,
Прибѣжали —
На площади, на сходки, на митинги
И безсвязно, возбужденно,
Изступленно,
Закричали
Диким гиком,
Злобным зыком,
Благим матом...

По степям, полям горбатым,
По границам, рубежам,
Побѣжал
Их надрывно-злобный зык,
Их протяжно-дикій крик:
«Ка-ра-уууул!..
По-мо-гиии!..

Слышен шум, и стук, и гул,
И шаги, шаги, шаги...
В Міp Великій Хам вступает,
Все свергает, разрушает...
Вот он, вот он... Грубый, дюжій,
Неуклюжій...

В буйно-бѣшеном движеньи —
Запрудил пути, дороги,
Всѣ палаты, всѣ чертоги,
Учрежденья,
Управленья
Полонил,
Загрязнил...

Всѣ пріюты Красоты,
Ткани дерзостной Мечты
Осквернил...

Храма Божьяго с Законом,
Свист хлыста с церковным звоном,
Узы брачныя расторг...
Нашу радость и восторг
Омрачил,
Жизни цѣль и смысл убил...

Звѣрь, сорвавшійся с оков —
На законы, на основы всѣх основ,
Нами много лѣт хранимые,
Как святыя мощи чтимыя —
По-ся-гнул!..

. . . .

И отнынѣ —
Сокровенных чувств святыни:
Настоящаго величье и наслѣдіе былого,
Под пятой вандала злого...
Ка-ра-уууул!..»

Так неистово кричал,
В муках корчился, рыдал,
Умирал —
Старый Мір...
Черный, злобный старый Мір.
. . . .

Шахты, домны и заводы,
Паровозы,
Пароходы,
Міра чернаго угрозы:
Динамит, огонь, металл,
Интенсивность развивали,
Бѣг побѣдный ускоряли,
Разрушали,
Хоронили —
Старый Мір...
. . . .

Призывали
Всѣх борцов на свѣтлый пир...
Созидали
И творили —
Новый, яркій, лучшій Мір...
. . . .

Пар клубился, клокотал,
Гнѣвно пѣл
И ревѣл,
Вопль предсмертный — дикій крик заглушал,
Хохотал...

. . . .

А в шинелях, лаптях, блузах батальоны,
Милліоны,
Легіоны,
Не смущаясь диким криком —
К Цѣли шествуют Великой...

Солнце путь их озаряет,
И ласкает,
Как дѣтей,
Нѣжно любящих дѣтей...

И цѣлует, и цѣлует упоенно,
Страстно, пламенно, влюбленно...
Их порывом, их стремленьем,
Их движеньем —
Восторгается,
Ярче, ярче разгорается...

□□□□

4.

ПОЭМА ИЗ ПОЭМ.

На площадях, на улицах, над блузами, шинелями
Рѣет шелк и ситец цвѣта крови алой...
Марсельеза плавает над людными тунелями...
Рѣчи... Пѣнье... Праздник в Мірѣ небывалый...

Массовым движеніем цѣпи разбиваются,
Сжигаются сознаніем Зла и Тьмы разсадники...
Судорожно корчась, в Лету погружаются —
Поэмы о покорности Року, Мѣдным Всадникам.

Возстаньем, Революціей, под звуки марсельезы,
Коллективно создана — Поэма из Поэм...
Вписана в Исторію Кровью и Желѣзом:
Совѣтская Республика — Поэма из Поэм...

Совѣтская Республика — рабочих масс созданіе,
Как Солнце животворное, в груди радость-хмѣль лила...
Земля к Ея рожденію, с начала Мірозданія,
Милліарды лѣт готовилась, под солнцем каруселила.

□□□□

5.

У ВРАТ ГРЯДУЩАГО.

На Праздник Революціи —
В Мірѣ небывалый,
Приплелись нахохленныя и заспанныя лица,
С ворохом ржавых книг:
Учитель словесности,
Поэт любвей и соловьев с душою выхолощенной,
Жирный монах, предложившій надѣть вериги
И каяться...
Из-за них выглядывали Литературныя Знаменитости...
И, пробѣжав нѣсколько глав Поэмы из Поэм,
Всѣ, хором,
Поучительно,
Возмущенно и злобно закричали:

«Это не Поэма, а Повѣсть!..
Скверная, грубая, неряшливая!..
Безграмотная и безформенная!..
Авторы не знают законов стихосложенія...
Размѣра и ритма...»

. . . .

Солнце на крикунов глядѣло презрительно,
Трамваи, пролетки дразнили нарушеніем ритма,
Пѣшеходы, дома и улицы демонстрировали —
Смѣшеніем формы и размѣра...
Автомобили немолчно кричали:
«Скопцы!.. Скопцы!..»
Убѣдительно зазвучал голос устроителей Праздника,
Властный голос окраин:

«Слѣпцы!
Поймите, что все то, что замкнуто вами —
В условную, беззубую, мертвую догму,
И размѣрную, ритмичную форму —
Уже не живет...
И что создается по старым законам —
Тотчас умирает...

Мы, возставшіе, разбившіе рабства оковы,
Призваны разрушить и старыя догмы,
И формы...
Ибо созданная нами Поэма,
Сама — Жизнь...

Новая, Лучшая, Свѣтлая Жизнь,
Дары которой вы не вкусили,
Красоты и Величія не в силах были почувствовать,
И, не поняв, не оцѣнив Ея глубины и значенія —
Назвали скверной повѣстью...

Спѣшите вкусить Ея причастіе,
Чтобы быть безсмертными,
Вѣчными
И потомством не проклятыми...»
. . . .

Голос окраин побѣдно мчался вдаль...
Отвѣтным эхом доносился и метался гул
Мятежно-гнѣвных масс,
Людских несмѣтных толщ
Обоих полушарій...

. . . .

Гул усиливается — наростает...

. . . .

Электрическіе провода — земли стальные нервы,
Легковѣйные, узорные холсты — знамена
И бродячія скрижали — газетные листы
Вѣщают
О кончинѣ нахохленных, заспанных лиц
И стараго черного міра...

□□□□

6.

КО ВСЕЛЕННОЙ.

Вселенная, нарядись в лучшій наряд,
В ало-красный шелк и цвѣтов жемчуга...
Как невѣста в ожиданьи поцѣлуев жениха,
Вся восторгом, истомой горя,
Приготовься ко встрѣчѣ:

Шествуют Грядущих Вѣков Предтечи —
Пролетарскіе писатели, поэты-барды...
Их выслали толпы, массы, милліоны,
Милліарды,
Легіоны...

От гнѣвно ревущих фабрик, заводов,
Дымных окраин, трущоб и ущелій,
Темных шахт, рудников, подземелій,
Дружин полевого труда,
Казарм, пароходов...

Их выслали предмѣстья, посады, города.
Их выслали тѣ, что проснулись, возстали,
Как Титаны, разрушили рабства оковы,
Міру сказали —
Свое Слово...

Новое, крылатое, звучное, огненное слово:
Свобода, Совѣты, Вся Власть Трудящимся...
И вписали в Исторію кровью дымящейся —
Прекраснѣйшую из Прекрасных,
В старом Мірѣ небывалую —

Поэму из Поэм — Республику Совѣтов.
Они Предтеч послали взорвать Былого скалы,
И уготовать путь огнистый, чистый, ясный —
Грядущему Поэту...

□□□□

7.

ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ.

Поэтов ярче, и счастливѣй, и безсмертнѣй нас —
Наша планета еще никогда не рождала...
Нашими устами пѣснь несмѣтных масс
Величьем небывалым впервые зазвучала.

Мы вѣстники Грядущей новой Красоты,
Мы—Поступь, мы—Дыханье иных Вѣков Прекрасных...
Мы — сердце, мозг трудящихся, их лучшіе цвѣты,
Мы слитность Міровая, Труда стремленій властных.

Мы вышли первыми, и первыми смѣло идем —
На зов иных времен, сомкнуто-тѣсным строем...
Гнетущих лѣт наслѣдье сжигаем Творческим огнем,
Узорныя, Свѣтлыя зданья Грядущаго строим...

Мы первыми стали на стражѣ у главных Дверей.
Имена наши будут в других повторяться...
Никто не минует проложенных нами Путей,
Тайком никому мимо нас не пробраться.

В царство Грядущаго, как лучшіе из всѣх,
От масс достойно избраны их первыми Депутатами...
Вселенная примет и признает только тѣх, —
Которые к Ней явятся с Нашими Мандатами.

□□□□

8.

РОССІИ.

О, мать моя любимая! О, мать Совѣтов!
О, колыбель прекрасных, радостных Вѣков.
Ты — остров очарованный Свободы, Свѣта,
Набат, бодрящій и сзывающій рабов.

Ты из оков монгольско-Азіатских Ханских,
Державно-царских крѣпостнических цѣпей,
Обьятій страстных революціи мѣщанской —
Пришла к Коммунѣ воплощеньем лучших дней.

Как Свѣточ, как Маяк спасительный сверкаешь,
Волнуя угнетенных чуткія сердца...
К возстанью зарубежных братьев призываешь,
К разрыву огненно-кроваваго кольца.

Одна, без помощи, без смѣны, неустанно,
Геройски борешься с тиранами всѣх стран...
Как обручем стальным, насилья и обмана,
Тѣснимая врагами, полужива от ран...

Я слышу, как стучится в грудь твою тревога,
И вижу на лицѣ усталости печать...
Но шаг, лишь шаг один, намѣченной дорогой,
И час пробьет — тебя с Побѣдою вѣнчать...

Пусть медлят за чертой... Затишье пред грозою...
Прислушайся, пойми, что взрыв неотвратим...
Слѣди за молніи змѣистою стрѣлою,
Смотри — пороховой ползет, клубится дым...

Сгущенный воздух электричеством насыщен,
И каждая страна — клокочущій вулкан...
Я чувствую, что скоро будет путь расчищен
К Братству угнетенных всѣх племен и стран...

О, мать моя, я слышу Марсельезы пѣнье,
И мѣрный отдаленный стук и гул шагов...
Я вижу баррикады... Несмѣтных масс движенье...
Царей, банкиров трупы... Обрывки кандалов...

Я вижу — дали красным заревом пылают,
То милліарды флагов и знамен парят...
Под ними гордо, смѣло, побѣдно в Мір вступает,
Всемірный наш Товарищ — Пролетаріат.

Он движется лавиной, Міра Властелином,
На Вселенскій праздник, свѣтлый, братскій Пир...
А пахнущій молитвой, мхом и нафталином,
Филином на Солнце смотрит старый мір.

Взметнулось в высь хрустально-мраморное зданье:
Трудящихся великій, Міровой Совѣт...
Ты там любимый Предсѣдатель засѣданья,
Тобой земля гордится, вращаясь меж планет.

Я вижу вся земля цвѣтами обрядилась...
Все дышит радостью и творческим трудом...
Убійства, ненависть, страданья прекратились,
Земля — Единства, Братства и Довольства Дом.

Любуйся на себя моим тончайшим зрѣньем,-
Я — сын твой, брат и муж, твой воин и пѣвец.
Твой чуткій слух, и взор, и чувства, и стремленья...
Ты в сердцѣ у меня — милліонами сердец...

Я их біеньем слитным — Вѣчность измѣряю,
И чувствую движенье иных эпох, времен...
В созвучьи чутких струн — безсмертье постигаю,
Всемірное Единство нарѣчій и племен...

Страна моя любимая! ты кровью истекаешь,
Но братьев, запоздавших на помощь, не клянешь...
Ты—сердце пролетарское, ты чувствуешь, ты знаешь.—
Встает Властитель Міра, котораго ты ждешь.

Страна моя, мужайся! Послѣднія мгновенья,
С часов безстрастно-точных, в прошлое бѣгут...
За ними — Міровое Возстанье и Движенье,
Побѣда и Свобода торжественно идут...

О, колыбель Коммуны! еще одно усилье,
И Солнце Жизни Новой заблещет над землей...
Возстаніем сверженье всемірной камарильи —
Встрѣтишь ты, как должное, рожденное тобой.

□□□□

9.

ВСЕМІРНЫЙ ТОВАРИЩ.

Люди-братья! я пришел к вам,
Развѣвая алым шелком...
Эхом, звоном новой рѣчи,
Возвѣстить о Красной вѣсти:
Люди-братья, всѣх нарѣчій,
Всѣх племен и всѣх предмѣстій,
Городов-гигантов, башен,
Улиц-склепов и туннелей,
Ветхих хижин, мирных пашен,
Всѣх высот, равнин, ущелій,
Юга, Запада, Востока, —
Мы на Сѣверѣ далеком,
В царствѣ мрака, льда, тумана,
Бурь, мятелей и морозов
Пробудились, встали рано,
Как опасность, смерть, угроза
Міру черному и злому,
Дряхло-старому, гнилому...
Мы разбили Зла оковы,
И познали битвы сладость,
И вселенной Новым Словом
Возвѣщаем нашу радость...

Развѣнчали трон позорный,
В обаяніи дворцов...
Зануздали сытых, черных,
Долгогривых жеребцов.
Пусть враги кольцом желѣзным
Окружают нас, тѣснят...
Но их гибель неизбѣжна,
Гибель тронов и палат.
В битвѣ классовой, священной,
В вихрѣ пламени пожарищ —
К нам идете, несомнѣнно,
Вы — Всемірный наш Товарищ...
Гордо шествуйте и смѣло, —
С Вами Мы непобѣдимы...
Мы и Вы — едино Тѣло,
Вы и Мы — нераздѣлимы.
Нас, Товарищ, много, много,
Цѣлью спаянных одной...
Мы пойдем по всѣм дорогам,
Уничтожив черных рой.
Мы — крылатое стремленье,
Мы всесильны, мы все можем,
Разрушенья, достиженья —
И усилим, и умножим...
Все отжившее, гнилое,
Все гнетущее и злое —
Страсти творческим огнем
И расплавим, и сожжем.
Всѣ устои, всѣ святыни,
Дней насилья, угнетенья,
Потревожим, с мѣста сдвинем,
И растопчем с наслажденьем...

Плугом мысли коллективной
Новь поднимем, новь распашем,
Опьяним восторгом дивным —
Лучше рая, солнца краше...

. . . .

Бѣг на плаху остановлен,
Танец смерти прекращен,
Евнух старый обезкровлен,
Круг Былого завершен...
Красоту и вдохновенье
Евнух сонный оскопил...
Вырожденьем и растлѣньем —
Всѣ музеи омертвил...
Мы зажгли огонь священный
В храмах вѣчной Красоты,
И несем им дар безцѣнный —
Наши гордыя мечты...
Мы свергаем, строим, ищем...
Путь в Грядущем, впереди —
Безконечнѣй, шире, чище,
Ярче Млечнаго пути.
Посмотри на путь закатный,
Удлиняя ленту числ, —
Только нам одним понятны
Жизни Цѣль и жизни Смысл.
Мы усильем непреклонным
Коллективнаго Труда —
Храм воздвигли Аполлону,
Мы воздвигли города...
В звучно-стройном, слитном хорѣ
Торжествующих гудков,

Слышим гимны алым зорям
Ярких, радостных Вѣков...
Через рѣки и каналы
Перекинули мосты...
Крѣпи — кружево металла,
Вязь узорнѣе мечты...
Мрак сверканіем сжигаем
Электрических огней,
По Вселенной мчим, гоняем
Огнедышащих коней...
Мы безсмертны, мы могучи,
Мы гигантскою рукой
Сѣтью нерв стальных, пѣвучих,
Обмотали шар земной.
Пробуждая дебри, горы,
Побѣждаем и творим...
Мы на сушѣ, мы на морѣ,
Мы и в воздухѣ парим...
Достиженья умножая,
Небывалое мы явим...
Темный хаос побѣждая —
Коллективно Міром правим.

5 Ноября 1917 г.—14 февраля 1918 г.
Петроград.

□□□□

РАДОСТЬ.

В мутно-сѣром, густом, людском потокѣ,
Я двигался по Невскому медленно...
И взглядами скользящими толпы многоокой,
И лучами солнца Іюльскаго обстрѣлянный.

Сердце сутолокой обезсилено, изранено,
И радости в обыденности растрачены...
Здѣсь у всѣх Грядущее прошлым затуманено,
Здѣсь и мнѣ, казалось, корчиться назначено.

Но впереди, нежданно, зарѣяли знамена...
Заметались звуки музыки бодрящей...
Сердце встрепенулось, забилось учащенно
Радостью пьянящей, свѣтлой, настоящей.

Любопытство вспыхнуло, вытянуло лица,
Движутся колонны матросов и солдат...
Флаги... Марсельеза... Невскій сжался, злится,
Дрогнула обыденность, разливая яд...

На трубах громко-звучных, мѣдных, металлических,
Солнце разбросало серебряныя блестки...
Трамваи, автомобили глазѣя на Величіе,
Очарованно столпились на перекрестках...

Торжественно проходят первыми матросы...
Строго-величавы поступь, взгляды, лица...
Кто-то им семейку незабудок бросил,
Нищая старушка радостно слезится.

Безотчетно счастливый, весь благоговѣніе,
Обнажаю голову, слитность постигаю:
Я, Они — Единство... Общее сцѣпленіе...
Это Я, под музыку, с Ними, в Них шагаю...

Это Я, разбившій рабства, тьмы оковы,
Я, в Борцах Безсмертных Свободы, Коммунизма...
Я — Совѣтов Армія иду к Побѣдам новым,
Это Я, шагаю — в Мір Соціализма.

Іюль 1918 г.

□□□□

ВѢНОК.

Памяти Володарскаго.

Кричащій провод кошмарной вѣсти
В іюньском зноѣ плывет-дрожит:
Навылет в сердце... убит на мѣстѣ...
В обьятьях смерти, в гробу лежит...

Один из лучших... всегда был с нами...
И вот... О, ужас!.. Не вѣрю! Нѣт!!
Но капли крови горят огнями,
И смерти темный змѣится слѣд...

Убит, убит он... Всѣ вѣсти вѣрны...
Клубятся страсти, стучится гнѣв...
И нервы-струны дрожаньем мѣрным
Рождать готовы надрыв-напѣв...

Но слез безсилья мы не пороним,
Мы не пороним!.. О, никогда!!
Сердца скуем мы стальною броней,
Сомкнем тѣснѣе ряды Труда.

В движеньи грозном, неудержимом,
Раздавим черных убійц борца;
Метнувших злобно, с огнем и дымом,
Из стали гулкой стрѣлу свинца.

Оскалом смерти, свинец метавшій, —
Ужалил сердце рабочих масс...
Но мы безсмертны... убитый, павшій,
В Движеньи к Цѣли — безсмертен в нас.

Горячей крови живыя струйки
Спаяли крѣпче наш грозный класс,
И протянулись, как провод чуткій,
К сердцам мятежных несмѣтных масс.

В отвѣт на выстрѣл — начало дѣйствій,
И клич сигнальный с конца в конец:
Пойдем лавиной из всѣх предмѣстій,
Судьей назначим — огонь-свинец.

Удар коварно звенит тревогой...
Но мы не будем потерь считать;
Их много было... и будет много...
Они нам будут огнем сверкать.

Но кто, пронзенный копьем сомнѣній,
Рѣшил бы робко назад свернуть —
С нѣмым укором убитых тѣни
Стѣною станут, закроют путь...

И лучшим будет вѣнком, молитвой,
Лишь наша клятва, лишь наш обѣт:
Идти смѣлѣе вперед на битву,
Назад к былому — возврата нѣт!..

О, выше! выше!! полотна-маки,
Наш яркій символ Труда, Коммун,
Вперед к Побѣдѣ! из павших всякій
Незримо с нами, и смѣл, и юн...

Іюнь 1918 г.

□□□□

ЮНОШАМ.

„Здравствуй, племя младое".—
А. Пушкин.

Из подполья, из неволи,
К жизни новой, к свѣту, к волѣ,
Разрушая мрака стѣну,
Вдаль — вперед.

Смѣло, дружно, стройно, в ногу,
На подмогу
Изстрадавшимся, уставшим
И на смѣну —
Братьям павшим
Молодая рать идет...
Как поток горячей лавы,
Красной лавы,
Как клокочущій вулкан.

Пролетарки,
Пролетаріи всѣх стран —
Величавы,
Гордо-строги,
Как властители, как боги,
Безупречные борцы
И творцы —
Жизни яркой...

Юны, смѣлы и могучи,
Их движенья, шаг их всякій —
Многогранной, полнозвучной
Жизни струи...

Лица — огненные маки,
Взгляды — солнца поцѣлуи,
Их наслѣдство — путь огнистый,
Чистый,
И просторный.

Узкій, крестный и тернистый,
Путь рабов,
Кончен шествіем борцов —
Их отцов,
И разрушен строй позорный,
Черный,
Строй насилья, строй оков,
Зла и Крови, угнетенья,
Человѣко-истребленья,
Ненавистный строй...

Но отцы, борясь, устали...
Слишком тяжко было бремя,
Старым нужно, старым время —
На покой.

Молодые — мощь, стихія;
В мір несут они святыя
Новыя скрижали.

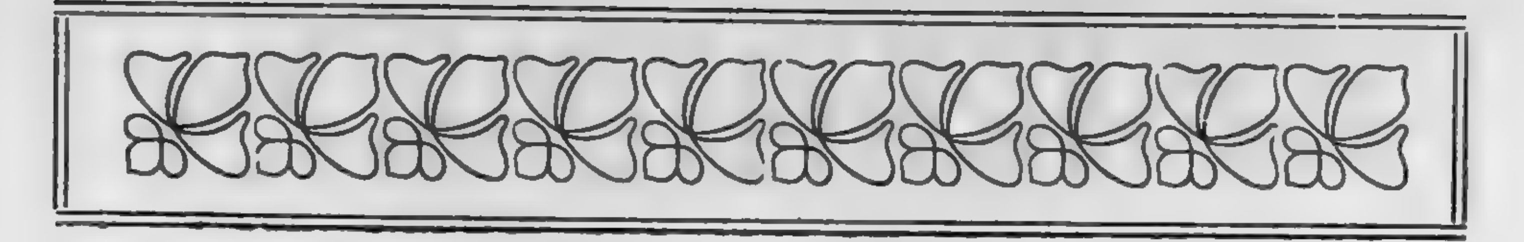
Люди-братья —
Молодое встрѣтят племя,
И грядущему народу
Разукрасят путь цвѣтами,
И освѣтят —
Разноцвѣтными огнями...

И раскрыв свои обьятья,
Встрѣтят их, как праздник жданный
И желанный,
Как восторг, как радость, ласку,
Как плѣнительную сказку,
Как мечту.
С ними встрѣтят —
Братство, Равенство, Свободу,
Красоту.

Іюнь 1917 г.

РИТМ ГРАНИТА
И
МЕТАЛЛА.

Вслѣдствіе постановленія Литературной Коллегіи печатать сборники пролетарских поэтов не свыше 64 страниц—(здѣсь 72 стр.—как исключеніе), цикл стихов „Город“ в этот сборник, к сожалѣнію, не вошел.

В ТЮРЬМѢ.

Захлопнул дверь за мной тюремщик, злой, суровый...
Захлопнул дверь, ушел... и смолкло все кругом.
И снова я в тюрьмѣ... и снова под замком...
Отторженный от міра... в одиночкѣ снова...

Но мрачная тюрьма, глумленья и оковы —
Закаливают дух Побѣды над врагом...
Здѣсь в камнях вѣщих стѣн немолчным языком
Гудят: Союз Борьбы, Протест, Свобода Слова...

О, скоро, скоро рухнет черный строй и трон!
Бѣснуйтесь, палачи, и звякайте ключами,
Смѣемся мы над вашей злобой и над вами!

Мы слышим гул шагов, мятежный, властный звон...
То наша Рать Труда идет со всѣх сторон...
Растет борьба... Побѣда, знаем мы, за нами!

„Кресты".
Ноябрь 1916 г.

◻◻◻◻

ПЕТРОГРАДУ.

Я люблю тебя, как ласковую женщину,
Страстно-пламенную, нѣжную,
Граціозную, прекрасную...

Я люблю тебя, нарядный Петроград.

Я люблю тебя, как тайну мнѣ завѣщану,
Грезу, сказку, даль безбрежную,
Сны узорные, неясные...

Я люблю тебя, туманный Петроград.

Я люблю тебя, как рокот волн играющих,
Как раскаты грома властные,
Бури гнѣвное движеніе...

Я люблю тебя, мятежный Петроград.

Я люблю тебя, как свѣточ тьму сжигающій,
Поцѣлуи солнца страстные,
И весеннее цвѣтеніе...

Я люблю тебя, мой Красный Петроград.

3 Ноября 1917 г.

□□□□

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Черный дьявол клятвой ложной
Цѣпенил мою страну...
Звон кандальный, звон тревожный,
Пѣл, пугая тишину...

Чу... гудок, протяжным криком,
В битву с дьяволом зовет.
Я — мятежный, многоликій —
Из села пришел в завод.

Много бурных дней прожито,
Ковы дьявола разбиты,
Сѣтка сброшена с лица.

Стук плывет... Маячит пламень...
Бьет копытами о камень —
Конь крылатый у крыльца.

Май 1912 г.

□□□□

У СТАНКА.

Стружка вьется, стружка тянется, ползет,
Удлиняясь, как разлука, как печаль...
А рѣзец идет — смѣется и поет
И, цѣлуя, обнажает дѣву-сталь...
Шестерни, шкивы вращаются, снуют...
А в груди моей под танец шестерней —
Два желанья, два Начала спор ведут...
Слышу голос мягким шелестом ремней:
«О, мечтатель, вольнодумец, о, поэт!
Не затѣм-ли уж родился ты на свѣт:
Чтоб всю жизнь в заводѣ мучиться, терпѣть,
И прикованным к машинѣ умереть?
За окном — весна... блеск солнца... красота...
Тут туманит взор — грязища, темнота.
Там ласкает слух пѣвцов пернатых хор,
Тут машин-чудовищ грохот-разговор...
Он упреки, он проклятіе отцов...
С ним сливаяся, рыдает скрип рѣзцов.
Там — деревья... от цвѣтов там — аромат..
Тут безсмѣнно — сталь, желѣзо, дым и смрад.
Тут все вертится, танцует и дрожит,
Воет, лязгает, гремит, стучит, жужжит...

И вот тут-то, как прикован, день-деньской —
Неотлучно у станка ты, в мастерской...
Ум мутится... спину ломит... грудь болит...
А смотри, как солнце ласково глядит,
Как привѣтливо цѣлует, радость льет,
Дразнит, манит и настойчиво зовет:
В степь безбрежную, на волю, на простор,
На зеленый, на цвѣтистый на ковер...
К морю звучному, — к играющим волнам,
В горы!.. Выше!! ближе к Солнцу! к небесам!

. . . .

Хором звуков зачарован, убѣжден, —
Проклинаю плѣн завода, стали звон.
К солнцу, к морю, в горы, к волѣ я лечу...
Счастья свѣтлаго и радости хочу.
Вѣдь открыт-же к наслажденью путь всегда
Угнетателям, живущим без труда...
Им, жирѣющим, все можно, все дано...
Что-же мнѣ-то, кромѣ муки, суждено?
Иль в заводѣ пулеметы лишь ковать?
«Для чего они?», — сын спросит, — что сказать?
Не сказать-же, что в них зрѣет виноград
И тебя-же им, быть может, угостят?..
Сердце бьется, гнѣв клокочет, гнѣв кипит...
А в ушах немолчно тот-же зов звенит:
«Видишь-ли, невольник-парій, блеск какой!..
Ты томишься у машины в мастерской...»

. . . .

Замечтался, в высь умчался, запарил...
Не замѣтил, кто станок остановил.

Окрик!.. Мастер... Вновь включаю самоход.
Вновь танцует звуков стройный хоровод...
Но пророча, напѣвая о другом,
Криком стали, смѣлым, властным языком:
«Разгони мечтаній хмѣльный хоровод,
Не кляни станки, машины и завод.
Ты пришел сюда от солнечных полей,
Гдѣ рабом яремным был у палачей.
Тут клянешь ты в бой сзывающій металл,
Там под розгами помѣщика стонал...
Тут тебѣ ремни о солнцѣ говорят,
Там, страдая, солнцу, свѣту был не рад *).
Тут твой пращур в горы, в степь тебя позвал,
Там в степи ты — под телѣгой ночевал...**)
Там покорный, одиноко ты бродил,
Тут завод вас всѣх в союз соединил.
Там душил тебя протяжный, жуткій сплин,
Тут зовет к Свободѣ говор-стук машин...
Там священник вѣрой ложной цѣпенил,
Тут завод твое мышленье пробудил.
Бодрость, Вѣру, Гнѣв, Протест вливает в грудь,
И выводит на огнистый, чистый путь...
Тут поймешь и жизни Смысл, и жизни Цѣль.
Тут Стремленій и Возстаній всѣх — Купель...
Лишь прислушайся, пойми язык машин:
Ты — Мессія, ты — Грядущій Властелин!..
Ты в союзѣ с паром, сталью и огнем —
Овладѣешь шаровидным кораблем...

---

*) Вторая часть строки перефраз. Некрасова „Размышл. у пар. подъѣзда“.
**) Тоже. *Автор.*

Будет черный враг тобою побѣжден,
Міръ оправдан, и омыт, и обновлен...»

. . . .

На призывы двух различных голосов
Я качался, словно маятник часов;
В первом сердцу что-то нѣжное звучало,
Во втором Труда Побѣдное Начало...
Предо мною развѣтвились два пути:
Иль к Былому, иль к Грядущему идти...
Колебался, не рѣшался много дней,
Разсуждал, который радостнѣй, свѣтлѣй...
А когда вполнѣ обдумал, обсудил —
На второй, на путь к Грядущему вступил...
И пошел к Борьбѣ, к Свободѣ, Вдаль, Вперед!..
Полюбил Купель Стремленій всѣх — Завод.

Апрѣль 1913 г.

□□□□

В ЗАВОДѢ.

Я сегодня лишь почувствовал, сегодня лишь узнал, —
Здѣсь, в заводѣ, каждодневно шумный праздник,
Карнавал.

Каждодневно, в час урочный, пара пѣньем, приглашенье,
Гости в праздничном нарядѣ, звон и грохот, танцы,
пѣнье...

Звон и грохот звучно-мѣрный — говор звуками без
слов.
Танец стройный и ритмичный хмѣльно-радостных
шкивов.

В танцах юности стремленья, вольность, Вѣчное
Движенье...
В звуках тайны міровыя, в звуках Мудрости Реченья.

В пѣснях Бодрость, Вдохновенье, пламя Вѣры; Зов
и Гнѣв.
О, как сладко слушать этот бурно-пламенный напѣв...

Люди в блузах понимают их Реченья и Призывы...
Люди в блузах, как Титаны гордо-строги, молчаливы.

В их Молчаньи скрыта Мудрость, Сила, Творческая
страсть,
А в движеньях — Крѣпость стали, Непреклонность,
Воля, Власть.

Каждодневно быть в заводѣ, быть в заводѣ —
наслажденье...
Понимать язык Желѣзный, слушать Тайны Откровенья.

У машин, станков учиться буйной Силѣ — Разрушать,
Ярко-новое, другое, непрерывно созидать.

Іюль 1917 г.

□□□□

В КУЗНИЦѢ.

Наковальни, горны, грохот,
Искры, пламя, дым...
Мы проворно тянем, рубим,
Плющим и дробим.

Смѣло, радостно и дружно,
По балванкам бьем...
Из снарядной крѣпкой стали —
Плуг и серп куем.

Январь 1918 г.

□□□□

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

В предразсвѣтный, тихій, чуткій час,
На окраинах гигантов-городов,
Пробуждая, призывая Многоликаго Творца, —
Раздается, мѣрно льется, льется, льется...
Голос властный, возбужденных,
Грозно-буйных и клокочущих паров...
Голос — пѣнье слитно-стройно хоровое,
Торжествующих гудков...

Рѣя, плавая, стучится в груди легіонов масс,
Разрывая сна дурманящій покров,
Бодрость льет в отзывно-гордыя сердца...
В даль, и в ширь, и в высь несется...
Напѣвая милліардам угнетенных —
О возстаніях, побѣдах, о паденіи оков...
Гимном пламенным встрѣчая солнце ярко-огневое
Новых радостных Вѣков...

. . . .

Ночь блѣднѣет,
Тьма рѣдѣет,
  Брезжит свѣт...
Чу... молитва,
Зов на Битву,
  Гимн Труду...
Просыпаюсь,
Одѣваюсь,
  Звонкій слѣд...
Гул, ворота,
На работу
  Я — иду...

. . . .

Нѣт призывнѣй, полновластнѣй,
Чище, пламеннѣй, звучнѣй,
Вдохновеннѣй, и прекраснѣй,
И побѣднѣй, и вольнѣй, —
Ранней, утренней молитвы слитно-стройных голосов,
В бой зовущих, тьму пугающих, ликующих гудков...

Пѣнью трепетно внимая,
Пѣснь деревни вспоминаю:

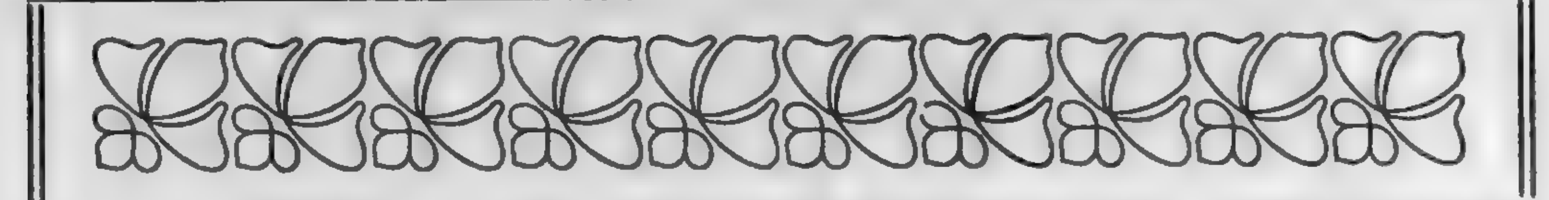
Нудно-сонные напѣвы,
Колокольнаго хваленья, —
Богу лѣни, мести, гнѣва,
Зла, покорности, смиренья,
Дряхло-старому, глухому, побѣлѣвшему, как мѣл,
На седьмой день, засыпая, опочившему от дѣл...

Пѣнью трепетно внимая,
Мудрость Міра постигаю:

Хор гудков — Язык вселенной,
Гимн — Единства, гимн — Труда,
Пробужденье Мысли плѣнной,
Сердца к сердцу — провода,
Человѣку-Богу пѣсня — побѣдителю, Борцу,
Созидателю-Титану, неустанному Творцу...

Іюль 1917 г.

ЭХО ОГНЕННОЙ РАСПРАВЫ.

ОПЯТЬ...

Опять мой враг-разувѣренье
Встает, как призрак страшный, злой...
И льет мнѣ в сердце яд-сомнѣнье
Своею черною рукой...

Опять сверкает наготою
Людская пошлость — жизни муть...
Смѣясь, зло пляшет предо мною,
Ползет и липнет к тѣлу жуть...

Опять кругом меня — бандиты,
Корыстолюбцы и слѣпцы.
В храм Правды двери всѣ закрыты,
И обезглавлены жрецы...

Опять завѣса тьмы могильной,
Закрыла проблеск впереди...
Толкает в пропасть кто-то сильный,
Кричит: «С дороги уходи!»

Опять обѣта нарушенье
И в черный лагерь звонкій слѣд...
Но мнѣ-ль позорное смиренье?...
О, никогда! О, нѣт! О, нѣт!

Август 1914 г.

◻◻◻◻

ВЕСНА ИДЕТ.

Идет весна могучая,
Веселая, кипучая,
Прозрачная, поющая,
Пьянящая, несущая —
    Восторги, жизнь и свѣт.

Ея правам покорные,
Журчащіе, проворные,
Клокочуще-бурливые,
Немолчно-говорливые,
    Потоки с гор бѣгут.

Живительное, властное,
Смѣется солнце ясное...
Ласкает землю смуглую,
Жирѣющую, пухлую,
    Цѣлует горячо.

Дымят поля безбрежныя,
Шумят лѣса мятежные,
Эмаль небес чарует взор,
Поет-звенит пернатых хор, —
    Веснѣ хвалу поет...

Грачи-монахи бражные,
Степенные и важные,
На ветлах собираются,
О чем-то совѣщаются, —
    Кричат, кричат, кричат...

□□□□

НА ПАШНѢ.

Посвящаю двоюродному брату,
Апостолу пшеничнаго рая
Николаю Алексѣевичу *Клюеву*.

У лѣса, за селом, сѣдой старик, Лука,
Без шапки, босиком, в дырявой рубашенкѣ,
Качаясь за сохой, запахивал овес
На тощей маленькой лохматой лошаденкѣ.
— Бог помочь, дѣд Лука!
— «Спасибо, мил чалэк».
— Овес посѣял тут?
— «Чай, видишь сам, родимый».
— А плох уж стал ты, дѣд, — согнулся, посѣдѣл,
А, помню, был здоров, как дуб несокрушимый.
— «Не диво! Будешь плох... Остался вот один;
Дѣтей, Микешку с Власом — на войнѣ убили...
А я, вот тут, живи! Да казнись на сирот...
Э-эх! душа, сгубили нас, совсѣм сгубили...
Ну... как тут жить таперь?.. Бяда! Бѣл свѣт не мил...
Хоть в петлю лѣзь, — в удав!.. Аль с камнем в воду, штоле...»
— Опомнись, дѣд! Грѣшно... Смотри, на Божій Міръ...
Тут—солнце, птицы, глубь небес, простор, раздолье...
— «Ты во-он про што!.. А я-т табѣ про нашу жисть,
Про бѣдствіе людское, про народ побитый...

Гляди-ка! в полѣ, кто!?.. Старик Сафон, да я,
Да мальцы, все лишь, мальцы... Ишь, как красовито!
Не это-ль пахаря? Э-эх, кормилец мой,
Голодный будет год... Земля-т и та страдает...
Послухай стонет, как об пахарях своих, —
Монашкой черною остаться обѣщает...
Не смѣйся, мил! Она, как молодуха вѣдь:
Родит для тѣх лишь, кто ее, как слѣд, уходит.
А мы-то што?—безлюдье. Ну... каки мы?—стар да мал.
А тут, примѣта... птица... грач тоску наводит:
Грачей, вишь, в полѣ нѣт, — не будет и снопов.
Э-эх! не знаешь ты мужицкой горькой доли,
Не знаешь... Э, да што!»
Лука взмахнул кнутом,
— «Ну-ну! каянная, эк, уперлась... Д'ну-же, штоли!»

Апрѣль 1916 г.

◻◻◻◻

КРОВАВЫЕ ЦВѢТЫ.

1

...— Вот эти? эти что-ль? докладчик, эти!?
А гдѣ-же стража? Гдѣ конвой?
А, вы, мерзавцы, встать должны передо мной!
Встать!!
Вы, трусы, в бой не шли, не слушали команды?
А, вы, чѣм занимались? Чѣм? —
Преступной пропагандой!?

. . . .

Конвой, веди. А завтра, на разсвѣтѣ —
Их разстрѣлять!!..

. . . .

2

...— Читай скорѣй, что пишут парни из окопов...
От Гришки это?... аль от Прова?...
Читай, Анисьюшка, читай, прошу тебя.
Да, вслух! не про себя...
Ну, что-же ты молчишь!?
Заставь таких вот остолопов...
Анисья! что с тобой?
Ты вся дрожишь...
Поникла головой...
Я вижу... вижу... ты страдаешь...

Расплакаться готова...
И что-то от меня скрываешь...
Не доброе, я вижу, что-то написал...
Несчастье, стало быть, случилось...
Читай-же! говори!! неужто в плѣн попал?
Аль ранены они!?
Чего?.. чужой рукой написано письмо?
Чужой рукой конверт заклеен?..
«Один убит, другой разстрѣлян»...

. . . .

В глазах зелено-красно-синіе круги-огни...

. . . .

3

...— Тираны, короли, цари, правители,
Жестокіе убійцы, палачи, мучители,
Банкиры и попы —
Проклятье вам! Проклятье!!
Раскрывши смерти жадныя обьятья...

. . . .

Вот жертвы вашей тираніи, угнетенья,
Войны, разстрѣлов, розг...
Один — с разбитой головой,
Другой — с оторванной ногой,
Вот вытек чей-то мозг...
Быть может, мозг художника, поэта,
Артиста, музыканта, генія, творца...
Безчинствам, преступленьям вашим нѣт конца...
Но что вас ждет за это!?

. . . .

4

...— О, женщина! О, Мать!!
Источник Жизни Вѣчный.
К тебѣ взываю,
Кричу!!
Рыдая, умоляю —
Не позволяй, злодѣям, безконечно,
Свои творенья истреблять.
Взгляни на трупы... на руины...
На скорбныя, страдальческія лица...
О, горе!... горе!...

. . . .

О, непрестанная,
Родильница и роженица!
Рожай дѣтей, как радость долгожданную..
Рожай! я все отдам тебѣ за это...
Восторг и вдохновеніе поэта,
И грезы свѣтлыя, и дерзкія мечты...
А им, а им, а им... я дам цвѣты,
Гвоздики, розы, георгины...
А дѣти — Міра Властелины,
Цвѣты солдатам отнесут,
Как Символ Жизни в ласковом узорѣ...
О, колыбель Міров! рожай... Твори...
Преступники, злодѣи, палачи-цари
Твоих твореній не убьют,
Не будут даже трогать, —
Они не смѣют, и не смогут!
Убить — Движенья Жизни! Красоты!...

Октябрь 1916 г.

□□□□

КРАСНЫЙ ЗВОН.

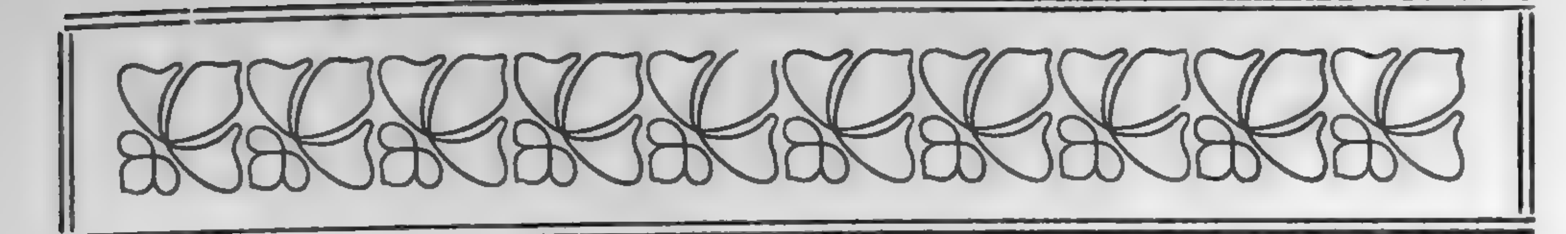
Над селеньями, полями,
Городами,
Раздается,
Вдаль несется
Переливный, звучный, мѣдный
И торжественно-побѣдный
Красный звон...

Он гудит, поет, сзывает
И вѣщает,
Что развѣян
И осмѣян —
Долгій, тяжкій, мертвый, черный,
И кошмарный, и позорный,
Страшный сон...

Демон смерти, безпощадный
И злорадный,
Ранен вѣстью,
Что на мѣстѣ
С жизнью огненной расправы,
И безумный, и кровавый
Прерван пир...
Рѣет Свѣтлый Ангел Жизни
Над отчизной,
Гдѣ лучится
И стремится
Озарить, плѣнить всѣ страны —
Лучезарный, долгожданный,
Вѣчный Мир...

31 Января 1918 г.

КРУГЪ СОГЛАСНАГО СЦѢПЛЕНЬЯ.

„КРЕСТЫ“.

...Сегодня, как всегда — тягучее томленье,
Тоска, однообразье, плѣсень сѣрых стѣн...
И как всегда, мой долгій и постылый плѣн —
Сжимая, сушит грудь... и множатся мученья...

Принижен взлет надежд... Сгустилися сомнѣнья...
И удлинился ряд извѣданных измѣн...
Сижу в мѣшкѣ, как в бочкѣ древній Діоген...
Томясь, устал я ожидать освобожденья.

Но примиренья нѣт. Все мнится там, на волѣ,
Поющая весна разсыпалась цвѣтами,
И там Она... в вѣнкѣ... овѣяна мечтами...

А я... я здѣсь в плѣну... я чахну здѣсь в неволѣ...
В груди клокочет гнѣв... Чувствительнѣе боли...
И кажется сильнѣй мѣшок сдавил стѣнами...

Январь 1917 г.
„Кресты“.

ПИСЬМО.

Смотрят огненныя строки:
«Равнодушный и жестокій,
Помнишь, поѣзд, поле, мышка,
Глаз досужаго мальчишки...»
Ниже сумрачным узором:
«Будет смертным приговором —
И рѣшительное «Нѣт»,
И уклончивый отвѣт.»
А post scriptum'ом приписка:
«О, желанный, милый, близкій,
Ну, скажи... скажи... молю...
«Ты моя. Я твой. Люблю.»

. . . .

Сердце пламенно пылает...
Память встрѣч канву сплетает:
Поѣзд... поле... «Пышмы» струи...
Мѣсяц... ласки... поцѣлуи...
Взгляд влюбленный и стыдливый...
Знак согласья молчаливый...
Помню все... Но что отвѣчу?
Как излить ей чувства рѣчью?...
Как излить, сказать яснѣе,
Что не здѣсь я, там я, с нею?...
Но когда ей буду ближе —
Разлюблю, возненавижу...

И цѣлуя в тишинѣ —
Буду думать о женѣ...
Скажет старый свѣт: «Жестоко!»
Но, а я... я той далекій —
Что вблизи меня, со мной,
А далекой — близкій, свой.
И когда одну ласкаю,
То рисую, представляю:
Та, другая, чутко ждет...
И, страдая, слезы льет...
Засмѣется-ли жена —
Грусть другой в глазах видна...
А к другой приду, опять...
И опять о той страдать...
Вѣдь люблю я их... люблю...
Ту и эту я люблю...
И тѣм самым, и тѣм самым,
Как измѣной, как обманом, —
Счастье личное гублю...

. . . .

Всѣх страданій не исчислив,
Я узнал, постиг, осмыслил —
«Мой», «Моя» — слова-оковы,
Устремленьям, дерзким, новым...
С яркой слитностью разрыв,
К счастью Личному призыв.
Смерть и горе в клятвах хилых:
«Неразлучно». «До могилы».

Іюль 1917 г.

□□□□

К ЗАВѢТНЫМ БЕРЕГАМ.

Налегай на весла, милый,
Не страшись гребнистых волн!
Их слѣпую, злую силу —
Разсѣчет наш рѣзвый челн.

Налегай сильнѣй! скорѣе
Вдаль — к завѣтным берегам...
Пусть рокочут волны злѣе;
Ярость их — смѣшна лишь нам.

Нам влюбленным, сильным, юным
Дикій рев их — нипочем!
Мы сердец пѣвучи струны
Им в угоду — не порвем!

Пусть темно! Пусть буря злится, —
Проблеск виден впереди...
О, как сильно стало биться
Сердце бурное в груди...

Не жалѣй грудь молодую!
Налегай! уж вот он брег...
Там тебя я расцѣлую
И к груди прижмусь при всѣх.

Август 1913 г.

□□□□

РАЗСВѢТЪ.

Тьму развѣял жданный свѣт.
День встает прекрасно-ясный...
Хор Свободы громогласный,
Солнцу, Дню поет привѣт—
Дружно, радостно, согласно...

Первый яркій солнца луч—
И цѣлует, и ласкает,
Возбуждает, опьяняет...
Тѣнь слѣпую черных туч—
Блеском пламенным сжигает.

Іюль 1917 г.

▫▫▫▫

ПѢВЦАМ ИСКУССТВА ДЛЯ ИСКУССТВА

Я долго странствовал по бездорожью,
Как «Вѣчный Жид», искатель «Праведной Земли».
И всѣ пути к противорѣчіям вели —
Искал я Истину, встрѣчался — с Ложью...

Тропинка — в горы... вверх... к престолу Божью...
Иду и слышу — пѣнье стройное вдали...
То ангельскій глагол ко мнѣ: «Творца хвали
И дух свой вознеси к его подножью.»

Хвалю и дальше в горы, вверх спѣшу скорѣй,
Чудесный хор — слышнѣе, ближе, ближе...
Иду. Спѣшу. Взошел... И что-же вижу...

Кладбище... Старый Храм, на камнях, у дверей —
Зловонный, гнойный труп... и пир и вой звѣрей...
Косматых, черных, сѣрых, блѣдно-рыжих...

Декабрь 1915 г.

КОЛОСЬЯ.

Пожелтѣли, наклонились и задумались глубоко...
Разгадать пытаясь Мудрость жизни Свѣтлой и
жестокой.

Устремляя взор пытливый в книгу сроков и мгновеній,
Книгу Вѣчности — Мать-Землю, чисел, тайн и
откровеній.

Круг сцѣпленій постигая жизни слитной и раздѣльной—
Человѣка, птицы, звѣря, солнца, звѣзд, Міров,
Вселенной...

Жизнь повторностью безсмертна вѣчным Творчеством,
Рожденьем...
Всѣ и Все — Душа и Тѣло непрерывнаго Движенья...

И колосья это знают, слышат струны всѣх созвучій,
Видят нити всѣх сцѣпленій, образ Космоса могучій.

Ждут они, когда побѣдно зазвенит коса, сверкая...
Ею срѣзанные лягут, Землю-Мать благословляя.

Дар Земли, Труда побѣда, растворятся в массѣ
жизней...
И Трудом, Землею, Солнцем — возродятся снова
Жизни.

Снова будут, созрѣвая, в золотых лучах купаться
И молиться звѣздам, зорям, и росою умываться.

Под дыханьем страстным вѣтра класть глубокіе
поклоны...
Слушать пѣніе стрекозье, птичек трели, перезвон

Август 1918 г.

□□□□

ДѢТИ.

(Посвящаю Аполлону—сыну.)

Я укрыл в своей квартирѣ
С Юга, с Дона бѣглецов,
И живу в чудесном мірѣ,
В мірѣ звонов и цвѣтов...
Словно птичек щебетанье,
Голоса и смѣх дѣтей...
Пусть отец и мать — страданье
И тоска страны своей.
От дѣтей в моем жилищѣ
Стало радостнѣй и чище,
Ярче, праздничнѣй, свѣтлѣе,
Вдохновеннѣй, веселѣе...
Пахнет степью, пахнет полем,
Широтой, раздольем, волей,
Солнцем, зорями и росами,
Ароматом трав, покосами,
Цвѣтом яблонь, лип и пчелами,
Медом, звонами веселыми...
В дѣтских играх, криках-звонах,
В их задорѣ — растворяюся...
В лица их смотрю влюбленно,
Их здоровьем восхищаюся:
Щеки — маки огневые,
Взгляды — стрѣлы-мотыльки,
Глазки сине-голубые —
Незабудки, васильки...

. . . .

Как на них похожи мало
Дѣти шумных городов,
Темных и гнилых подвалов
И салонов-парников...
Дѣти города-столицы —
Нервно-чахлы, блѣднолицы,
Жвачка сѣраго тумана,
Дымом пахнущіе пряно...
. . . .

Но я знаю — тѣ и эти,
Городов и пашен дѣти —
Мозг один, одно и тѣло
В мір вступающих за нами,
Величаво, гордо, смѣло,
Устилая путь цвѣтами...
В их стремительных движеньях,
В их восторгах и безпечности —
Непрерывность обновленья
Милліардов Жизней, Вѣчности...
. . . .

Им, Грядущим, мной любимым,
Им, Вселенной Властелинам,
Я в наслѣдство завѣщаю:
Все, что создал, созидаю
И создам...

Іюль 1918 г.

СОДЕРЖАНІЕ.